

**Украинский анклав Кубани:
поиск национальной идентичности
в контексте национальной политики
Российской империи**

ЧУМАЧЕНКО Виктор Кириллович

*Кандидат филологических наук, профессор, старший
научный сотрудник отдела экспертно-консультативной
деятельности и проблем культурного и природного
наследия Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: vchum@rambler.ru.*

**Ukrainian Enclave of the Kuban Region:
the Search for the National Identity
in the Context of National Policy
of the Russian Empire**

Victor K. CHUMACHENKO

*Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Senior Researcher,
Department of the Expert Advisory Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage,
South Branch, Russian of the Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
E-mail: vchum@rambler.ru*

Аннотация

В статье воссоздан процесс поиска национальной идентичности украинского казачьего населения Кубани в контексте государственной национальной политики второй половины XIX– начала XX в. Автор полагает, что преобладавшее в последние три десятилетия понимание казачества как особого субэтноса русского народа должно быть пересмотрено; необходимо вернуться к характеристике данного явления в рамках более традиционных представлений о двух его славянских этнических составляющих.

Ключевые слова: Кубань, украинцы, национальная идентичность, казачий субэтнос, С.И. Эрастов.

Abstract

The article is devoted to the process of finding the national identity of the Ukrainian Cossack population of the Kuban region in the context of national policy of the second half of the 19th — the beginning of the 20th century. The author believes that the understanding of the Cossacks as a special subdivision of the Russian people needs to be reconsidered. This understanding prevailed during the last three decades, and it is necessary to return to the characterization of this phenomenon in the framework of more traditional notions of the two Slavic ethnic components of this population.

Keywords: Kuban region, Ukrainians, national identity, Cossack subethnos, S.I. Erastov.

Проблемы национальной идентичности вот уже несколько десятилетий находятся в центре внимания российских политологов, социологов и этнологов самой различной идеологической направленности. Особой остроты дискуссионные выступления достигли на Кубани. Здесь процессы пробуждения национального самосознания традиционно проживающих на этой территории народов осложнены обсуждаемой все это время идеей возрождения казачества как репрессированного в годы советской власти «народа» (определенного этнографом Н. И. Бондарем как субэтнос). Дело не в том, что к нескольким десяткам уже имеющихся этносов и субэтносов прибавился еще один, претендующий на права титульного. Главное в другом: он не просто претендует на первенство, он пытается поглотить и подменить собою один из двух других этносов: русских или украинцев, считавшихся здесь доминирующими ранее. Естественно, что симпатии исследователей разделились на полярные, в зависимости от того, к какому из двух славянских этносов относить казачий «субэтнос»: к русскому или украинскому. Аргументов у обеих сторон предостаточно.

Казалось бы, само время сняло с повестки дня данную антиномию. Возрождение казачества, о котором так долго говорили некоторые ученые и политики, так и не состоялось, и кажется, последний шанс, данный историей, уже безвозвратно упущен. Настала пора вернуться к более традиционным представлениям о национальном составе края. Но сторонники идеи о том, что украинцев на Кубани не было и нет, выдвигают всё новые версии, поражающие не столько своей научной глубиной, сколько оригинальностью и причудливостью мышления их авторов. Так, совсем недавно двумя изданиями вышло исследование молодого

кубанского историка И. Ю. Васильева «Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг.» [3]. Само название говорит, что автор признает и существование на Кубани украинцев (хотя бы в прошлом) и украинское национальное движение. Пришло четыре года, и новое переиздание этой книги, дополненное и расширенное, под названием «Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI в.)» [2], осуществленное в одной из московских типографий, продемонстрировало нам во всей полноте эволюцию взглядов, которую проделал автор на фоне разрастания вооруженного конфликта в Восточной Украине. Оказывается, украинцев на Кубани никогда не было, а были всего лишь «украинофилы», т. е. любители малорусской экзотики в литературе, одежде, еде с традиционным набором предпочтений: «Энеида», «Кобзарь», «Наталка Полтавка», вышиванки, галушки, вареники, борщ с чесночными пампушками, салом и традиционной горилкой.

И в российском, и в украинском обществе до сих пор преобладает стремление игнорировать уроки истории, не видеть их очевидную связь с взрывоопасными проблемами сегодняшнего дня. И хотя местное украинское население (по нашим долгосрочным прогнозам) не является ни катализатором, ни предполагаемой движущей силой назревающих негативных процессов, есть потребность осознать место его в истории и культуре Юга России со времени начала колонизации этого региона*. Тем более

* В 2013 г. в Южном научном центре РАН прошла конференция «Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития», привлекавшая внимание к данной проблеме [15]

что эта роль, при всей ее незаметности, зачастую на протяжении последних двух веков была определяющей.

Первые национальные объединения потомков запорожского казачества возникли на рубеже XIX–XX вв., спустя столетие после переселения их на благодатные земли Кубани. Оно ушло на завершение периода бесконечных русско-турецких войн, «замирение» Кавказа, достижение определенного экономического благополучия области, что позволило поставить на повестку дня чисто гуманитарные проблемы и решать их уже в европейском духе, а не в традициях «казачьей вольницы».

Некоторое, впрочем, незначительное отставание по времени от метрополии объясняется не только удаленностью Кубани от основных национальных очагов, где зарождались процессы украинского самосознания, но и целым рядом факторов, присущих формированию казачьего субэтнуса. Почти целое столетие черноморские казаки всерьез не задумывались о своих национальных корнях, так как принадлежность к казачьему сословию в основном обеспечивала их хозяйственные, военно-политические и гражданские права. О том, что казак казаку рознь они стали задумываться лишь после произошедшего в 1860 г. слияния Черноморского и части Линейного войск в единое Кубанское казачье войско. Под одной крышей собрались представители двух разных по языку и культуре народов, что породило как центробежные, так и центростремительные силы. С одной стороны, происходила притирка, необходимое сращивание двух составляющих в нечто единое, что не могло не принять форму постепенной, но неуклонной русификации новых поколений казачества, а с другой, этот же самый процесс провоцировал зарождение сознательной борьбы нарождающейся черно-

морской интеллигенции за национальные права коренных жителей Кубани. Естественно, что на начальном этапе они осознавались, прежде всего, как право на собственную культуру.

Первые местные украинские патриоты — Я. Кухаренко, Я. Мышковский, В. Вареник, В. Золотаренко, И. Подушка — были, прежде всего, казакофилами. Но присущий им глубокий интерес к родному языку объективно способствовал тому, что именно тревога за его судьбу заставила уже их ближайших последователей искать контактов с матерью—Украиной, стремиться к объединению разрозненных и немногочисленных тогда еще сил.

Почва же для консолидации была самой благодатной. Украинский язык черноморцы рассматривали как одну из важнейших составляющих своего казачьего достоинства. И это понимание они счастливо передали своим детям и внукам. Один из современников в самом конце 60-х гг. свидетельствовал, что ученики екатеринодарской гимназии «говорят как в классных занятиях, так и вне малороссийским языком, ... читают только “Энеиду” Котляревского да “Кобзарь” Шевченко» [1]. Видимо о них же, лишь слегка повзрослевших, говорит в своей исторической записке директор открытой двумя годами позднее (1871) Первой Кубанской учительской семинарии Гр. Крыжановский: «Русский язык являлся для воспитанников языком настолько же чуждым, как, положим, язык славянский или даже иностранный. Выйдя за семинарские ворота, воспитанник слышал, что никто, решительно никто, не говорил так, как учили и говорили учителя. К чему был этот литературный русский язык, с его многочисленными грамматическими правилами, когда на нем решительно никто из жителей станицы не говорил. Не говорили на нем вне

классных уроков и за стенами заведения и воспитанники, Следовательно, преподававшийся в семинарии русский язык являлся предметом отвлеченным и представлялся воспитаннику печальной необходимостью» [6, с. 164]. Следующей ступенькой для самых талантливых была учеба за войсковой счет на различных факультетах Харьковского и Киевского университетов, в учебных заведениях Москвы, Петербурга, Одессы, где черноморцы неизменно во всех общественных и политических акциях примыкали к студентам-украинцам. С таким багажом возвращались они обратно в Екатеринодар, женились на воспитанницах местного института благородных девиц, преподавателями в котором работали украинские писатели местного призыва В. Мова (Лиманський) и И. Стеценко-Нордега, а также руководитель кубанского казачьего хора, многолетний бессменный преподаватель закона божьего священник Иоанн Эрастов.

Именно в его семье и родился мальчик, нареченный Степаном, ставший впоследствии основателем и признанным лидером всех первых национальных объединений украинцев Кубани, которым он сам потом дал объединяющее название «Черноморской громады».

С.И. Эрастов (1856–1933) как никто другой из кубанцев той поры был подготовлен к неутомимой организаторской деятельности на украинской ниве. Он представлял собою тип рано сформировавшегося революционера, выросшего, по его собственному рассказам, «в окружении еще сохранявшего тогда давние запорожские традиции вольного казачества, с самого раннего детства был преисполнен демократических идей и любви к народу. Эта закваска укрепилась потом от чтения произведений великих светочей мысли: Чернышевского, Шевченко и дру-

гих — под воздействием брата-студента, а в 6-ом классе гимназии ... уже имел счастье быть знакомым с главарем революционного движения на юге России Валерьяном Осинским (впоследствии повешенным в Киеве), с народовольцем Гартманом, которому мы устраивали на Кубани побег и который потом взорвал царский поезд под Москвой, с пропагандистом Мищенко (Ю.М. Тищенко)» [11, л. 1]. В 1878 г. он становится студентом Киевского университета и одновременно членом общества молодых украинцев «Кош», участвует в постановках домашнего театра М. Лысенко, сближается с А. Конисским. В 1880-м — поездка в Женеvu и Париж, встречи с М.П. Драгомановым и другими видными деятелями украинской эмиграции, окончательно сформировавшими его убеждения. Исключенный из Киевского университета «за неблагонадежность и пребывание сверх срока за границей», он перебирается в Петербург, где с головой окунается в народовольческую деятельность, работает в кружке, объединяющем всю студенческую украинскую молодежь столицы. Потом было новое исключение из университета и ссылка, годы неустроенности и революционной работы, пока в 1894 г. не осел в родном Екатеринодаре.

С этого времени запись основных жизненных событий, набросанная по памяти в 1926 г. [11, л. 2-10], пестрит именами украинских деятелей, местных и приезжих, с которыми он тесно сотрудничает, и наименованиями событий, первое из которых — знаменитые шевченковские роковины 1895 г., тогда же блестяще описанные его юным воспитанником, в будущем — знаменитым поэтом М. Вороным, в львовской «Зоре» [13].

К моменту возвращения С.И. Эрастова на Кубань казачий край уже не представлял собой в культурном

плане пустынню, как это было во времена В. Мовы (Лиманского). Здесь активно работал в областном статистическом комитете известный украинский этнограф М.А. Дикарев, предпринявший самые первые шаги по исследованию украинской культуры Кубани. Для сбора необходимых ему фольклорно-этнографических материалов ученый завел по станицам корреспондентов из числа учителей, писарей и простых селян, чрез них пытался влиять с целью пробуждения национального самосознания казаков. Несколько раз Дикарев выписывает партии народных книжек на родном языке и распространяет их через екатеринодарские «книгарни». В 1895 г. именно он предложил отметить память Т. Шевченко раздачей “Кобзаря” бедным и расширением книжной торговли. В своих многочисленных научных трудах Митрофан Алексеевич особое внимание придавал доказательству тождества украинского языка и бытовавшего на Кубани диалекта, а также подчеркивал абсолютное сходство бытовавших здесь и на Украине праздников и обрядов. Когда в 1896 г. местная интеллигенция приступила к организации своеобразной местной академии наук — Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), Дикарев становится его первым научным секретарем и добросовестно выполняет эти обязанности вплоть до своей преждевременной смерти, последовавшей в 1899 г. В программе Общества не было четко выраженной национальной идеи, но в его записках позднее будет опубликована фундаментальная статья Л. Мельникова о взаимоотношениях Я. Г. Кухаренко и Т. Г. Шевченко, а на заседаниях ОЛИКО дважды выступит с научными докладами С. Петлюра. Не только и не столько ранняя смерть помешала М. А. Дикареву стать тем лидером, который смог бы объединить разрозненные ряды

черноморской интеллигенции. Была и другая причина, в которой не без юмора он признавался и сам: «змалку бо-
вся людей і ховався від них на піч у просо» [12, с. 4].

«Кубанские областные ведомости» редактировал
вернувшийся из Одессы В.В. Скидан, уже проявивший
там себя как замечательный публицист. Позднее он пере-
дал эту должность шевченковеду А. М. Мельникову. Свою
фольклорную собирательную деятельность проводил
А. Д. Бигдай, его дело продолжили Г. М. Концевич и А. Ко-
шиц. Вот-вот должен был вернуться к родным пенатам
историк и статистик Ф. А. Щербина, впоследствии автор
двухтомной «Истории Кубанского казачьего войска». Еще
собирал свои коллекции основатель войскового историко-
этнографического музея Е. Д. Фелицын и публиковал свои
многочисленные сборники документов по истории запорожского и черноморского казачьих войск историк-самоу-
чка П. П. Короленко. Эти незаурядные личности как бы
создавали историко-культурный фон, на котором и раз-
вернул свою радикальную деятельность С. И. Эрастов.

Первоначально созданный им кружок объединял
всего лишь троих. Кроме самого Степана Ивановича,
в него вошли А.А. Белобородов и А.А. Быч. В 1901 г. ему
удалось привлечь к работе народного учителя из станицы
Калужской К.А. Бескровного и преподавателя женско-
го епархиального училища И.Т. Ротаря. Первый «обладал
даром находить в гуще народной революционно-настро-
енный элемент и приспособлять его к политической
работе», второй пользовался широчайшим влиянием на
учащуюся молодежь, в особенности в уже упоминавшей-
ся учительской семинарии, где он также являлся препо-
давателем. В том же 1901 г. на квартиру Эрастова пришла
знакомиться группа реалистов четвертого класса, среди

которых выделялся будущий президент самостийной Кубани Микола Степанович Рябовол. Совсем зеленую молодежь Эрастов поручил опеке жившего у него на квартире М.К. Вороного. Из Одессы удалось выписать на вакантную должность инспектора народных училищ А.А. Левитского, который в свою очередь устроил в качестве учителей народных станичных школ десятки вынужденных покинуть Украину радикально настроенных молодых людей. Как показало время, ставка на молодежь и на приглашение талантливых представителей интеллигенции с Украины оправдали себя. Например, только одним летом 1902 г. на Кубань переехало десять исключенных из Полтавской семинарии учащихся, в том числе С. Петлюра, П. Ткаченко, П. Понятенко, П. Капельгородский и другие. В разное время на приглашение Эрастова и его единомышленников, скептически относившихся к творческому потенциалу исконных хозяйственников-черноморцев, откликнулись известные литераторы, связавшие на время, а то и навсегда свою жизнь с казачьим краем: Я. В. Жарко, Г. В. Доброскок, В. И. Самийленко, В. П. Потапенко, Ганна Супруненко, А. М. Лисовский и другие. Как писал Эрастов, «организация получилась сильная, с крупными деятелями, и работа закипела» [9, с. 36].

Помимо нелегальной деятельности: составления и печатания прокламаций, распространения литературы и устной пропаганды среди учащейся молодежи и на рабочих окраинах, члены Громады принимали самое деятельное участие во всех общественных организациях, включая «Общество любителей изящных искусств», «Общество приказчиков» и «Комитет народной трезвости». Последний стал по существу штабом радикальной украинской интеллигенции. В деятельности этой легальной правитель-

ственной организации все было подчинено идее пробуждения национального самосознания кубанского казачества (распространялись книги, газеты и журналы на украинском языке, отмечались юбилеи украинских деятелей литературы и искусства, организовывались бесчисленные гастролы всех ведущих украинских трупп и корифеев национального театра). Даже просветительскую литературу «комитетчики» печатали на украинском языке в местных типографиях (брошюры Я.В. Жарко «Про горілку і лихо від неї» и «Про холеру і як від неї берегтися»). Присылаемую же из Петербурга в избытке монархическую литературу просто сожгли.

Начало украинского книгоиздания на Кубани так же связано с именем С. И. Эрастова. Только человек такого масштаба, закаленный идейный борец и прирожденный организатор, мог преодолеть многочисленные цензурные препоны, которые стояли тогда на пути развития национальной печати в России. В полной мере эти запреты действовали вплоть до 1905 г. и на Кубани, где большинство населения составляли выходцы с Украины. Примечательно, что местная интеллигенция выдвинула из своей среды коренного кубанца, который смог эту нелегкую задачу отчасти (насколько это было возможно в тех исторических условиях) разрешить.

Первые предпринятые С.И. Эрастовым попытки издания книг на украинском языке для кубанского и отчасти донского читателя относятся к 1896 г., когда в Екатеринодаре увидела свет книжечка А. Крымского «Хто ж выніє?» стоимостью 5 коп. Как видно уже по названию, напечатана она «ярыжкою» (т. е. русскими буквами), а не «кулишивкою» (более соответствующей фонетической системе украинского языка). Тогда это был единственный

способ добиться цензурного разрешения. Очевидно, опыт был удачен, так как уже через год эта книга была переиздана в Ростове—на—Дону в типографии И. Тер-Абрамиана тиражом 1200 экз. Обращает на себя внимание весьма примечательный подзаголовок: «Писане мовою кыйивських мищан. Выдав Ст. Ив. Эрастов» — комментарий, адресованный, прежде всего, цензуре. Сам Агатангел Крымский, выдающий лингвист и писатель, к такому уничижительному комментарию, скорее всего, отношения не имеет. Одновременно в Ростове пятидесятичным тиражом был отпечатан сборник рассказов Б. Гринченко. На обложке значилось: «Выдав Ст. Ив. Эрастов (В Чорноморіі)». В сборник вошло три рассказа: «Дочка», «Хлібороб», «Перший коваль» и стоила она три копейки. Следующей книгой, вышедшей в «выдавництве» Ст. Ив. Эрастова в Екатеринодаре под №3 стал сборник рассказов В. Стефаника «Кленови листки», стоивший уже полторы копейки. Как видим, издательство довольно последовательно боролось за снижение стоимости своих изданий, чтобы сделать их доступными для народа. В целях рекламы, а также для пробуждения интереса к чтению книг на украинском языке С. И. Эрастов ввел обычай одаривать ими «колядовщиків» и «щедровальщиків», которые, прослышав про необычные рождественские и святочные дары, валом валили в праздничные дни к дому издателя [8]. Пропагандой книги в сельских районах занимались члены станичных «просвіт», ячеек подпольной революционной украинской партии, а также работники чайных, открытых при комитетах по борьбе с пьянством. На большие сельские ярмарки, храмовые праздники и народные гуляния их понесли специально подобранные и обученные Эрастовым книгоноши.

Следующая (неудавшаяся) попытка продвинуть в массы украинское художественное слово связана с идеей издания на Кубани “толстого” журнала. Вначале С. И. Эрастов обратился за разрешением выписывать из Львова «Літературно-науковий вістник» и «Діло». Из главного управления по делам печати пришло уведомление, что просьба его «оставлена без последствий», при этом причина отказа не указывалась. И, тем не менее, он не бросает своих, казалось, безнадежных попыток. 9 ноября 1904 г. газета «Черноморское побережье» сообщала: «Мы узнали из достоверного источника, что из Екатеринодара вдовой войскового старшины А.И. Родионовой и дворянином С. И. Эрастовым возбуждено перед министром внутренних дел ходатайство о разрешении им издавать под редакторством второго из них по программе толстых литературно-политических журналов и размерами не менее 15 печатных листов ежемесячника «Поступ» («Прогресс») на украинском языке. Так как в России, как известно, до сего времени не допускалось печатание ни одного повременного издания на языке 25-тимиллионного украинского народа, то удовлетворение упомянутого ходатайства было бы очень желательно. Пора признать и несправедливость и тщету запрещения языка большого и богатого духовными силами народа. Пора видеть государственную мудрость не в насильственной ассимиляции окраинных народов, а в добром союзе их на началах терпимости и свободного развития». 5 декабря газета проинформировала своих читателей, что на ходатайство «поступил очень коротенький ответ главного управления по делам печати: издавать журнал на малороссийском наречии под названием «Поступ» признано министром внутренних дел не подлежащим удовлетворению».

Другой постоянной заботой кубанских просветителей стало открытие на Кубани сети украинских народных школ. Вот как обосновывал их необходимость на 1-м Всероссийском съезде деятелей обществ народных университетов от имени земляков выдающийся северокавказский библиограф Б. М. Городецкий, просивший «поставить на обсуждение и санкционировать своими авторитетными заключениями нижеследующие тезисы:

Преподавание в низшей школе на территории, заселенной украинским народом, а, в частности, и в Кубанской области, должно вестись на украинском языке.

Украинский язык должен быть введен в употребление во всех просветительских учреждениях, функционирующих в местностях с украинским населением и организованных для просвещения масс.

В средней и высшей школе, функционирующих на территории Украины, необходимо введение украиноведения в виде изучения украинского языка, литературы, истории, географии и экономических особенностей Украины.

Рекомендовать Обществам Народных Университетов и иным частным просветительским организациям, действующим на территориях, населенных большинством украинского народа, во избежание упреков в невольной поддержке русификаторской политики и в целях наиболее успешного развития дела просвещения, широкое внедрение как употребления украинского языка, так и дисциплин по украиноведению» [5, с. 210–211].

Докладчик не случайно говорил о Кубани как о территории, населенной преимущественно украинцами. Только что в Екатеринодаре были опубликованы более чем красноречивые данные последней переписи населения, утверждавшей, что 48,2% семей станичного и сельского

населения области считает своим родным языком «малорусский», и лишь 42,7% — таковым признают русский язык. «Таким образом, — приходили к выводу статистики того времени в лице авторитетнейшего этнографа Л.В. Македонова, — судя по языку, малорусская народность преобладает в Кубанской области. Коренное казачье население преимущественно говорит на малорусском языке» [7, с. 560-570].

Нет, не напрасно кубанские «просвитяне» и «громадяне» сделали в свое время на привлечение к национальному делу учителей. Когда Февральская революция создала условия для активной созидательной работы, первыми собрались на свой съезд именно кубанские педагоги. Он проходил в Екатеринодаре 13–14 мая 1917 г. В резолюции педагогической секции съезда говорилось: «1. Принципиально согласиться с необходимостью немедленного введения в Кубанском Крае обучения на родном языке, но русский язык остается государственным. Примечание. В населенных пунктах края, где кроме украинского есть и великорусское население, должна быть и российская школа. Вообще, в каждом населенном пункте число школ украинских и российских должно быть пропорционально числу людей, говорящих на том или ином языке». Резолюция просила дирекцию народных школ с помощью Кубанской Украинской Рады, общества «Просвіта» и общества «Шкільна освіта» организовать летом того же года курсы для подготовки необходимого количества учителей и с осени 1917 г. ввести в первых классах обучение на украинском языке. К этому времени подготовить и издать массовым тиражом учебник. Первый и второй год обучения предлагалось проводить исключительно на украинском языке, а русский язык как государственный с третьего года обучения, причем все предметы преподавать

только по-украински. Десятый пункт резолюции предлагал немедленно приступить к широчайшему изданию украинской детской литературы [6]. Что касается «Українського букваря», то он вышел в срок, выдержав два издания (1917, 1918 гг.). Знакомство с букварем завершалось замечательной констатацией на самой последней странице, где говорилось: «На Україні головний город Київ. У нас на Кубані головний город Катеринодар. На Україні найбільша річка Дніпро, а у нас Кубань. Наші діди жили на Україні» [17, с. 32].

Благодаря инициативе снизу, уже в ходе Гражданской войны начинается массовая украинизация кубанской школы, периодической печати, издательского дела. Вновь приступает к изданию книг на украинском языке С.И. Эрастов. В частности, они выходили под маркой восстановленной им в 1917 г. екатеринодарской «Просвіти». Первая украинская газета вышла в Екатеринодаре в том же 1917. Называлась она «Черноморець», а издавало ее Товарищество «Ранок». В 1918 г. в Новороссийске увидели свет первые номера газеты «Нове життя». Позднее (1919 г.) в столице Кубанского края издавалась просветянская газета «Кубанська зоря» с богатым литературным разделом [4], в различных издательствах (в Екатеринодаре в годы Гражданской войны их было множество) вышли сказки для детей, сборник рассказов В. Винниченко, целая россыпь тоненьких книжечек стихов Т. Шевченко, В. Мовы, М. Вороного и других украинских литераторов. Они не остались незамеченными библиографическими изданиями тех лет. Рецензии на кубанские новинки, информация о выходящих здесь книгах появлялись даже в знаменитом киевском журнале «Книжник». Но мало кто обращал внимание на любопытные факты гуманитарной, вернее культурной поддержки кубанцев со стороны земляков. Например, как

свидетельствует историк Д. Дорошенко, отдельные издания С. И. Эрастова финансировались из Киева, в частности, правительством гетмана П. Скоропадского [14].

И это совсем не случайно. С момента провозглашения независимого украинского государства кубанские украинцы тесно сотрудничали с метрополией, ища и отчасти находя в ней союзника. В Центральной Раде по территориальному представительству Кубань представлял С. Эрастов. В последнее время много написано о двухнедельном визите кубанской делегации во главе со М. С. Рябоволом в Киев летом 1918 г., подписанных тогда военных и экономических договорах, призванных, в конечном итоге, максимально сблизить два государства (Украину и Кубанский Край) вплоть до их объединения. Повышенные симпатии к кубанцам питал и С. Петлюра, фактически начинавший свой революционный путь в Екатеринодаре, хорошо знавший как проукраинские симпатии кубанцев, так и особенности их этнического сознания [16].

Подлинного сближения так и не удалось достичь, чему мешала и политическая нестабильность на Украине, и проимперские симпатии гетмана Скоропадского, и отсутствие у кубанской республики собственной армии, что делало ее весьма уязвимой во взаимоотношениях с деятелями «белого» движения. В то же время украино-кубанские контакты не на шутку всполошили руководство Добровольческой армии, которая (в разное время) на 60-80 % состояла из мобилизованных кубанских казаков. Беспокоило «единонедеимцев» и усиление украинских позиций в Кубанской раде и кубанском правительстве. Летом 1919 г. деникинской контрразведкой был убит первый кубанский президент, украинский патриот и народный любимец Микола Рябовол, а в ноябре на Кубани был произве-

ден государственный переворот. Черноморская фракция в Раде была арестована, ее лидер священник А.И. Кулабухов повешен на Крепостной площади, а остальные лидеры черноморцев депортированы в Константинополь. В том же 1919 г. кубанская «Просвіта» была запрещена, а за томик стихов Т. Шевченко, обнаруженный в казачьей хате, за «сладкоголосую» бандуру, неразлучную подругу казака, хозяину полагался расстрел. Однако завинчивание гаек не принесло Деникину ожидаемого успеха. Убедившись, что «добровольцы» ничем не лучше большевиков, кубанцы, бросив оружие, разошлись по домам.

Трагедия Гражданской войны разрешилась именно в этих местах, и не последней причиной, приведшей Российскую империю к окончательному краху, стала неспособность Добровольческой армии и лично генерала А.И. Деникина позитивно решать национальную проблему, которая, как известно, в те годы была на Кубани, прежде всего, «проблемой украинской».

Здесь же, на Кубани, во многом определилось будущее Украины. Заслуживает внимания точка зрения на этот счет последнего премьера Кубанского Края В. Иваниса. Анализируя неудачу переговоров кубанской делегации летом 1918 г. с гетманом Скоропадским, он писал, что нерешительное отношение украинского правительства к политическому объединению с Кубанью «спасло Добровольческую армию, со всеми вытекающими последствиями. Если бы гетман использовал позицию Кубани и незамедлительно вовлек ее на любых условиях в орбиту украинских событий, то скорое всего были бы более позитивные результаты борьбы с большевиками. Достигнуть этого было не трудно. В распоряжении гетмана была дивизия ген. Натиева, которую без особых проблем можно было перебросить на Кубань,

где Таманский полуостров уже освободился собственными силами от большевиков. На Тамани именно тогда находилось и немецкое войско, усилив которое, за пару недель можно было освободить всю Кубань. Мобилизовавшись, она укрепила бы украинскую армию на 200.000 прекрасных дисциплинированных казаков. Такое решение вынудило бы Добрармию создавать фронт за Волгой или в Сибири. Во всяком случае, не было бы позднее необходимости, как Украине, так и Кубани бороться еще и с Добрармией. Дон и весь Северный Кавказ при объединении Кубани с Украиной не имели бы другого выхода, как присоединиться и себе к этому объединению. При этой комбинации представители Антанты должны были бы помогать амуницией и прочим Украине и объединенным с нею краям, а не Добрармии, Которой тут бы не было. И, если не самое главное, — возродилась бы единства Кубани с Украиной.. Подобная перспектива защитила бы украинские земли от голода и других советских тортур, которые стоят около 15 миллионов трупов разного возраста и пола. Отсутствие понимания перечисленных фактов привело не только к разгрому Кубани, но и всей Украины [15, с. 7-8].

Итак, опять две точки зрения на роль кубанских украинцев в обустройстве постимперского российского пространства. Позиция единонеделимцев: «мало давали сепаратистов» — исторически бесперспективная в XX в., прошедшем под знаком национального самоопределения множества народов самых различных континентов. И запоздалая реакция украинофилов: «вовремя не протянули руку взаимопомощи». Можно только гадать, что было бы — победы одна из этих партий. Но, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. Победила третья сила, заявившая о праве наций самоопределение и сделавшая все возможное, чтобы это

право народы никогда не реализовали [10].

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что, несмотря на все неблагоприятные условия для развития национальных культур, на выработанную в Российской империи систему ограничений, отдельные действия репрессивного характера в отношении видных деятелей культуры так называемых «малых» народов, во второй половине XIX — начале XX в. в национальных этнических анклавах зрели ростки национальной идентичности как условие и залог будущего равноправного развития всех народностей, населяющих наше государство, в том числе украинцев Кубани.

Использованная литература:

1. Б-аш. Ан. Корреспонденция из Екатеринодара // Иллюстрированная газета. 1869. № 23.
2. Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI в.). М.: ИП Бурина А.В. [Традиция], 2014.
3. Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917 — 1932 гг. Краснодар: Кубанькино, 2010.
4. Георгиади Я. Национальная печать на Кубани и на Черномории // Красное знамя. 1923. 5 мая.
5. Городецкий Б.М. Доклад Кубанского Просветного Товариства. Читан на 2-м заседании 1-й секции 4-го января // Труды первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. СПб.: Тип. «Север», 1908.
6. Крыжановский Гр. Первая Кубанская Учительская Семинария. 1871-1915 гг. Историческая записка. Б/м. Б/г.

7. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. действит. члена Кубанского статистического комитета Л.В. Македонова. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1906.
8. С. И. (Эрастов С. И.). Что дарить колядникам // Кубанские областные ведомости. 1900. 17 дек.
9. Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы международной научной конференции. Г. Ростов-на-Дону, 3-4 октября 2013 г. / редкол.: акад. Г. Г. Матишов (отв. ред.) и др. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2013.
10. Чумаченко В. К. К биографии М. Дикарева // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1995 г. 18. Дикаревские чтения—2. Джубга: Краевой науч.-метод. центр культуры, 1996. С. 3—7.
11. Эрастов С.И. Краткая автобиография // Институт рукописи ЦНБУ им. В. Вернадского. Ф. 181. №1.
12. Эрастов С.И. Воспоминания // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2000. № 2 (17). С. 35—42.
13. Вороний М. Шевченкові роковини в Катеринодарі // Зоря. 1895. № 8.
14. Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле. Ч. III. Доба гетьманщини (1918). Львів: Червона Калина, 1923.
15. Іванис В. Історія Кубанського козачого війська // Кубанський Край (Канада). 1959. № 3. С. 4—8.
16. Іванис. В. Стежками життя: у 5-ти т. Новий Ульм (Німеччина): Українські вісті, 1959—1960. Т. 2—3.
17. Український букварь. Катеринодар: Шкільна освіта, 1918.